

УТЁС

Руслан Матюк

18+

Руслан Матюк

Утес

<https://litres.ru/74292387>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Утёс» Руслана Матюка — это сборник рассказов, в которых реализм переплетается с философской притчей, абсурдом и элементами мистики. Герои книги — обычные люди, оказавшиеся на грани внутреннего кризиса: они сталкиваются с одиночеством, чувством вины, утратой, памятью и поиском смысла жизни.

Каждый рассказ предлагает читателю не готовые ответы, а пространство для размышлений. Автор создаёт атмосферу тревоги и отчуждения, используя яркие, иногда сюрреалистические образы и насыщенный психологизм. За внешней простотой сюжетов скрываются глубокие философские вопросы о природе человека, времени, смерти и надежде.

«Утёс» — книга для вдумчивого чтения. Она понравится тем, кто ценит интеллектуальную прозу, любит произведения с многослойным смыслом и готов возвращаться к прочитанному, чтобы открыть в нём новые оттенки.

Руслан Матюк

Утес

Руслан Матюк

УТЁС.

РАССКАЗЫ

2025

СОДЕРЖАНИЕ 1.Озеро 4

2.Костыли 12

3.Ось 23

4.Крот 29

5. Караганда-Мюн-
хен.....

6.Се-
мья.....

7.Днев-
ник.....

Озеро.

Ян сидел в вагончике, не двигаясь. Окно было мутное, с внутренними разводами, как если бы его мыли изнутри влажной тряпкой и забыли домыть. Снаружи, озеро. Из трубы химзавода валили новые отходы. Не струёй, массой. Густой, вязкой, как тяжёлый выдох. Сначала шёл пар, тёплый, почти ласковый. Потом, цвет. Жёлто-зелёный, с серым провалом внутри. Он не поднимался вверх, он оседал, как если бы воздух вдруг решил лечь. Вода в озере не колыхалась. Она принимала всё молча. Поверхность была плотная, будто обтянутая тонкой плёнкой. В некоторых местах она пузырилась, не активно, а с ленивой задержкой, как у тела, которое ещё не решило, живо оно или уже нет. Берег был выжжен. Трава лежала, прижатая к земле, как после долгой болезни. Деревья стояли с обожжёнными кронами, ветки тонкие, лишённые листьев, но не мёртвые: они просто не росли дальше. Цвета были не яркие и не тусклые, они были исключенные, как будто кто-то убрал из мира лишние частоты.

Ян поднялся. Медленно, без суеты. Открыл ящик, достал противогаз. Резина была тёплая, чуть липкая. Он надел его привычным движением, проверил клапан, выдохнул, воздух пошёл обратно с лёгким сопротивлением. И он взял бинокль. Сначала берег был пуст.

Потом, движение. В кроне старых ив, ближе к восточной стороне, что-то шевельнулось. Силуэты. Неправильные. Не птицы. Ян навёл резкость. Там были дети. Или так показав-

лось сначала. Маленькие фигуры, сидящие в ветвях. Головы крупные, тела короткие. Они не качались и не переговаривались, просто присутствовали. Ян подкрутил фокус. Это были карлики. Не сказочные, не цирковые. Просто маленькие люди. Их было двое. Они сидели близко друг к другу, головы накрыты полотенцами. Полотенца были старые, выцветшие, с краями, подшитыми вручную. Они вдыхали пары из озера, как при ингаляции. Ян выругался. Поставил бинокль на стол, схватил ружьё. Он выбежал из будки. Земля под ногами была мягкая, словно подгнивший матрас. Он бежал, чувствуя, как сапоги слегка проваливаются. Запах усилился. Даже через противогаз он чувствовал сладковатую, металлическую, тяжесть, оседающую в груди.

-

А ну-ка пошли вон! - заорал он. - Пошли, блядь, вон отсюда!

Карлики не отреагировали. Они сидели неподвижно, головы чуть запрокинуты, как у людей, которые ловят последний солнечный луч надежды. И вдруг, почти одновременно, упали. Без крика. Без жеста. Просто сползли с ветвей и мягко легли на землю. Теперь он видел их ясно. Это были старики. Мужчина и женщина. Маленькие, сморщенные, одетые по-советски. У мужчины, пиджак с залоснившимися локтями, галстук, завязанный слишком низко; у женщины, тёмное пальто, платок, туфли без каблука. Лица, как высушенные яблоки. Глаза закрыты. Рты приоткрыты.

-
Вставайте! - заорал Ян. - Вставайте, мать вашу!

Он наклонился, схватил мужчину под мышки, поднял, поставил на ноги. Тот постоял секунду. Потом колени подогнулись, но рот открылся, и из него пошли слова:

-
Понимаешь, - сказал карлик тихо, будто продолжал давно начатый разговор. - Мы ведь не ради этого, не ради боли, мы просто хотели, чтобы мир, наконец, стал одинаковым, чтобы не было выше - ниже, чтобы всё сравнялось. Я ведь всю жизнь смотрел снизу, и думал: может, если вдохнуть правильно, если глубже, то станешь не выше, а вровень.

Он закашлял, но продолжил:

-
Мы не маленькие, это вы слишком большие. Вас раздуло, от слов, от планов, от будущего, а мы, мы остались, компактные, пригодные только для конца.

Ян стоял, не зная, что делать. Он слушал несколько секунд, больше не мог. Резко снял противогаз, вдохнул напрямую. Воздух обжёг горло.

Он достал рацию.

-
Пост, это пограничник, - сказал он быстро. - Опять токсикоманы - в отключке. Вызывайте скорую.

Пауза.

-
Принял. Вызываю.

Ян опустил руку. Усталость навалилась сразу, как тяжёлый мокрый плащ. Он поднял взгляд. Над озером, прямо над центром выброса, возникло Ухо. Огромное. Плотное. Телесное. Оно не летало, оно висело, как орган, забытый в воздухе. Складки были влажные, розовато-серые. Внутри, тень. Оно было повернуто к берегу. Слушало. Ян отдёргнулся.

-Ёб твою мать.

Он натянул противогаз обратно.

Яну было за пятьдесят. Он смотрел в глаза дочери, и это было сложнее, чем смотреть на озеро. Она сидела в вагончике на узкой скамье, обхватив кружку ладонями. Пила чай маленькими глотками, как пьют в чужом месте, не из-за вкуса, а из вежливости. Волосы собраны небрежно, куртка растёгнута. В ней было что-то упрямо живое, не выжженное. Это и радовало, и резало. После развода с женой, они виделись редко. Не из вражды, из-за разъехавшихся ритмов. Он остался здесь, на озере. Она в городе, в словах, в работе. Ян поймал себя на том, что смотрит на дочь слишком внимательно, будто пытается запомнить не черты, а факт присутствия. В этот момент его накрыло воспоминание. Философская кафедра МГУ. Позор. Милиция. Кабинет с серыми стенами. Коллеги, не смотрящие в глаза. Он тогда пил месяц, не по дням, а по провалам. И в какой-то момент, на лекции по феноменологии Гуссерля, сделал то, о чём до сих пор не

мог думать, без физического стыда. Он резко моргнул, протёр глаза ладонью, как будто можно было стереть не слёзы, а сам факт.

-
У меня курсовая сейчас... - сказала она, глядя на кружку.

-
По «Бобку». Знаешь, это вообще странный текст. Там же все мёртвые говорят, но говорят так, будто живые. И самое страшное, что у них нет больше стыда. Они уже ничего не боятся. Не потому что смелые, а потому что им всё равно. Я думаю, Достоевский там не про смерть писал, а про состояние, в котором человек перестаёт быть адресатом. Когда никто уже не ждёт от тебя ответа.

Она подняла глаза.

-
Это жутко освобождает. И жутко пугает одновременно. Ян кивнул. Он понимал. Слишком хорошо. Рация зашипела.

-
Пограничник, это второй пост. Егорыч тебя вызывает. Ян нажал кнопку.

-
Принял. Выхожу.

Он встал с досадой, не от вызова, от момента, который опять оборвался.

Подождёшь минут сорок? - спросил он неловко.
Дочь покачала головой.

-

Не, пап. Пойду. Дела ещё есть.

-

Жаль. - Сказал он тихо. Так редко видимся.

-

Ну как есть, пап. Что поделаешь.

Он протянул ей противогаз. Она взяла без вопросов. Они надели их почти одновременно, это движение у них совпало, и Яна это неожиданно тронуло. Как будто на секунду они снова оказались в одной системе координат. Они вышли наружу.

В кабинете у начальника охраны, Семёна Егорыча, была классическая обстановка. У стены, шкаф со стеклянными дверцами. Внутри, кубки: дзюдо, районные, областные, один с отколотым краем. На полке ниже, фотографии: жена, сын, внучка. Все улыбаются, одинаково, как на инструктаже по счастью. На столе, аккуратная стопка бумаг, пепельница без пепла, массивная ручка с логотипом завода. Всё на своих местах. Даже воздух. Сам Егорыч, седой, крепкий мужик за шестьдесят. Плечи ещё держатся. Лицо открытое, жизнерадостное и при этом настороженное, как у человека, который привык радоваться, но никогда не расслабляться.

Ян осторожно встал в дверях. Постучал.

-

Садись, - сказал Егорыч, не оборачиваясь. Он стоял у окна, заложив руки за спину, смотрел на территорию.

Ян сел на край стула. Егорыч резко повернулся, улыбнулся, широко, почти по-дружески, и сел на своё место. Потянулся, зевнул, будто только что проснулся, потом сразу собрался, стал другим. Посмотрел на Яна внимательно.

-

Я тут лётные права получил, - сказал он вдруг. - Экзамен сдавал. Красота, Ян. Летишь, над просторами нашими, душа радуется. Всё бытовое, рутинное, где-то далеко.

Он помолчал.

-

И вдруг меня мысль посещает. - Он поднял палец. - Вот прямо там, в небе. Что жизнь, это экзамен. И что я его не сдам.

Он усмехнулся.

- Ты представляешь?! У Меня. Мужика за шестьдесят. Не наивного. Не мечтательного.

Такая херня, в голову лезет.

Он наклонился вперёд.

-

Ты как дипломированный философ объясни: что это со мной творится?

Ян раздражённо выдохнул. Его всегда смущало, что мужики знают, что он бывший преподаватель по философии. С годами, этот предрассудок начал разрастаться, как трещина.

-

Да не знаю я, - сказал Ян. - Не философ я уже.
Егорыч, погрозил ему пальцем.

-

Ты мне тут не кокетничай. Говори как есть.
Ян помолчал. Потом сказал:

-

Это не страх смерти и не слабость. Это усталость воли. Воля, слепая. Не умная. Не справедливая. Просто тянет дальше. Пока человек занят, работой, делами, семьёй, воля совпадает с жизнью. А потом вдруг, ты оказываешься над всем этим. Сверху. И воля отстаёт. Не успевает за обзором.

Ян пожал плечами.

-

И появляется мысль, про экзамен. Потому что экзамен, это форма смысла. А смысл никто не обещал. Мы просто привыкли делать вид, что он есть.

Егорыч, молчал. Потом хмыкнул.

-

То есть, - сказал он медленно, - если коротко, это не я охуел?

-

Нет, - ответил Ян. - Это вы на секунду перестали притворяться.

Егорыч рассмеялся , громко, по-настоящему.

-

Ну, понятно, - сказал он, вытирая глаза. Что ничего не понятно.

Он резко посерьёзnel.

—

Ладно. Я чего тебя позвал. Озеро бетонной стеной обнесут. И колючку поверху.

Пауза. Он посмотрел на Яна внимательно, с прищуром.

-То есть, увольняете? – спросил Ян.

Егорыч захохотал. -Да ты что! - махнул рукой. - Как же мы тебя, философское светило, уволим?

Токсикоманы, шизики, ещё через этот забор полезут. Кто их разгонять будет? Ты там уже, как часть экосистемы.

Ян кивнул.

—

Спасибо, за доверие.

Егорыч поморщился.

-Всё, иди, работай. Не лебези.

Ян встал, кивнул и вышел. В коридоре было тихо. Слишком тихо. Как будто завод решил, что он здесь навсегда. День уже начал проваливаться в вечер, не по свету, по ощущениям. В коридорах охраны, воздух был сухой и тёплый, пахло дешёвым кофе и резиной от сапог. Где-то в дальнем конце хлопнула дверь, кто-то коротко засмеялся, смех был не веселый, а служебный, как отметка: живы. Он шёл по бетонной дорожке, к своему вагончику и ловил себя на странном: слова Егорыча, про забор не тревожили. Он переживал, что

всё это произнесено так, будто речь о погоде. Обнесут. Поставят. Будет. Как будто мир, это объект в смете, а он строка в ведомости.

Вагончик встретил его знакомой мутью окна. Озеро лежало, как лежит боль: не шевелится, но присутствует. Из трубы снова валило, меньше, чем днём, но гуще. Ян снял противогаз, повесил на гвоздь, сел. Достал из ящика бинокль. Руки делали всё автоматически, будто у него осталось одно назначение: смотреть и не вмешиваться. За стеной вагончика что-то щёлкнуло, то ли птица, то ли камень. Ян поднялся, вышел наружу. Вечер стоял влажный. Дождя не было, но воздух был, как перед дождём. Он прошёл к ограде, где начиналась тропа. Там, на самом краю, в тени кустов, сидел человек. Сначала Ян увидел только силуэт. Потом, детали: куртка, капюшон, тонкие руки, на коленях, полиэтиленовый пакет. Человек сидел неподвижно, как школьник перед директором. Не убегал. Не прятался. Просто ждал.

-

Эй, - сказал Ян резко. - Ты кто?

Человек поднял голову. Это был пацан, лет шестнадцати, может, семнадцати. Лицо бледное, губы сухие. Взгляд не мутный, наоборот, слишком ясный.

-

Я... - сказал он и замолчал, будто слово у него застряло в горле. Потом выдохнул: - Я просто постою.

Ян шагнул ближе.

-

Тут стоять нельзя, - сказал он. - Это режимная территория. Это опасно. Понял?

Пацан кивнул, но не встал.

-

Ты чего сюда пришёл? - спросил Ян, уже зная ответ, и от этого раздражение стало хуже.

-Здесь, - сказал он, - тише в голове.

Ян усмехнулся коротко.

-

Тише? Тут? - Он махнул рукой в сторону выброса. - Тут не тише. Тут конец.

Пацан, поднял взгляд.

-

А мне и надо, - сказал он. - Чтоб конец.

-

Вставай, - сказал он. - И пошёл отсюда. Я сейчас вызову наряд.

Парень медленно поднялся. И тут Ян заметил у него в руке полотенце, точно такое же, как у карликов утром. Старое, выцветшее, с подшитым краем.

-

Откуда это? - спросил Ян резко.

Парень смутился, опустил глаза.

-

Нашёл, - сказал он. - Там... - кивнул в сторону ив. - Ва-

лялось.

Ян сделал шаг, почти выхватил полотенце. Понюхал машинально. Пахло не химией. Пахло человеческим: старым мылом, сырой тканью, телом. И ещё чем-то сладким, как в больнице, когда заходит санитарка после дезинфекции.

-

Слушай, - сказал Ян медленнее. - Ты видел здесь утром стариков? Маленьких?

Па, пожал плечами.

-

Не видел. Я только к вечеру пришёл. Я..- он запнулся. – Я не хотел их трогать. Я вообще никого не хотел трогать.

Ян сжал полотенце в кулаке. И а над озером снова стало не что-то не так. Он не сразу поднял голову, сначала почувствовал кожей. Как будто воздух стал плотнее, а звук тоньше. Будто кто-то в мире убрал один слой шума. Ян посмотрел. Ухо висело снова. Не там же, где утром, чуть ближе, почти над берегом. Оно было меньше, но отчётливее. И складки его сейчас выглядели не влажными, а напряжёнными, как у живого организма, который прислушивается. Пацан тоже посмотрел. И вдруг улыбнулся. Не радостно, облегчённо. Как если бы увидел не кошмар, а знак.

-

Вот, - сказал он. - Слышите? Оно... слушает.

Ян вцепился пальцами в ружьё.

-Ты что несёшь? - сказал он сквозь зубы. - Ты это видишь?

-

Все видят, - сказал пацан, спокойно. - Просто делают вид, что нет.

-

Как тебя зовут? – спросил Ян, чтобы вернуть мир в нормальную форму.

-

Саша, – ответил пацан.

-

Саша, - повторил Ян. - Саша, слушай меня. Сейчас ты развернёшься и пойдёшь к станции. Там люди. Там свет. Понял?!

-Я.....

-Без я, - сказал Ян, слегка толкая парня в сторону.

Саша немного испугался и медленно двинулся прочь, не оборачиваясь. Ян вернулся в вагончик и поставил чайник. Кипяток хлынул сразу, без ожидания. Он заварил два пакетика ромашки, по привычке, хотя пить собирался один. Пар поднимался ровно, пах чем-то аптечным, почти спокойным.

Зазвонил телефон. На экране высветилось: Доча.

-

Да, родная? - сказал он, поднеся телефон к уху.
В ответ плач. Сразу, без вступления.

-

Что случилось? Ты где? - спросил Ян.

-

Ты... ты не человек... - сказала она, захлёбываясь.

Ян всплеснул рукой и почти крикнул:

-

Да я не понимаю?!

-

Я рассказывала маме, - всхлипывала дочь, - что ты не пьёшь, что работаешь на вредном производстве, что стараешься. И я спросила, почему вы на самом деле расстались?! Она мне всё рассказала. Всё, понимаешь?!

У Яна закололо в груди. Не резко, тупо, будто кто-то нажал изнутри.

-

Она сказала, - продолжала дочь, - что ты пил как свинья, что пришёл на лекцию и начал размахивать членом перед студентами, как педофил!

— Доча, прости меня, — сказал Ян. - Я не знаю, как...

— Ты не отец мне больше.

Гудки. Ян с размаху швырнул телефон в стену. Пластик хрустнул, экран погас. Он вышел из вагончика, не закрывая дверь. Впервые за долгие годы ему захотелось выпить. Просто выпить. Всё бросить. Уйти. Из заводской трубы пошёл очередной сброс. Пар стелился к озеру, но Ян даже не повернул головы. С берега донеслись крики. Грубые, возбуждённые, оголтелые.

-
Ах вы суки! - заорал Ян.

Он влетел обратно в вагончик, схватил ружьё и выбежал к воде.

-
Стоять, суки! Я вам сейчас покажу!

Он выстрелил в воздух. Молодёжь обернулась и побежала.

-
Стоять, твари! - заорал Ян и выстрелил снова.

И в этот момент, ему навстречу полетел жёлтый сферический шар.

-
Шаровая молния... —мелькнуло в голове у Яна.

— Да не может быть. Это глюки!

Он прицелился из ружья и нажал на спуск. Вспышка разрослась мгновенно, ослепляющая, горячая. Его отбросило назад, на берег. Воздух исчез. Ян очнулся не сразу. Сначала был звук, не боль, а гул, как если бы озеро продолжало работать внутри головы. Потом, запах. Горелый пластик, мокрая трава, железо. Тот самый запах, который бывает после грозы, если гроза прошла неправильно. Он лежал на боку. Ружьё, в стороне, перекошенное, будто ему тоже досталось. Противогаз слетел и валялся у воды, стекло треснуло, одна линза целая, другая мутная, как глаз, который больше не хочет видеть. Ян попытался вдохнуть, воздух вошёл тяжело, с хрипом, как будто лёгкие сначала спросили разрешения. Он

перевернулся на спину. Небо было низким. Озеро молчало. Не кипело, не светилось, не дышало. Просто лежало.

-
Значит... - выдохнул Ян и не договорил.

Голова кружилась. В висках пульсировало не болью, виной. Он вспомнил голос дочери.

Не слова, паузу перед ними. Ту секунду, когда ещё можно было не сказать. Рука дрогнула. Он попытался подняться, не вышло. Тело отказалось участвовать.

-
Ну вот... - сказал он вслух. - Экзамен, значит...

Где-то вдалеке, сработала сигнализация. Потом рация. Глухо, не для него. Ян повернул голову к воде. И тогда он понял: никакого Уха больше нет. Не потому что исчезло. А потому что, ему больше нечем было его слышать. Ян закрыл глаза. Впервые за долгое время, не чтобы спрятаться, а потому что смотреть стало некуда. Когда приехали, он уже не сопротивлялся.

Костыли.

Тихон стоял у порога, растерянный. В голове гул, ни мыслей, ни чувств, одно колебание. Отец Саши пригласил его жестом. Квартира оказалась чистой. Не просто убранной, вылизанной, до блеска. Пол натёрт, как новая монета. На подоконнике банки с гайками, болтами, какие-то куски пластмассы, аккуратно рассортированные по цвету. Запах не

алкоголя, а стирального порошка, чуть железа и старого дерева. Он ожидал хаоса, бутылок, пепла, следов прожитой боли. А тут даже тапочки стоят ровно, носками на восток. Тихон сглотнул:

-

Хорошо у вас.

Отец Саши пошёл на кухню, достал бутылку. Плеснул в два стакана, один поставил перед Тихоном. - Я не...

-

А я да. - И выпил. Глоток короткий, без наслаждения, будто чистит горло от слов.

На подоконнике засохший фикус, рядом кружка с зубочистками, в которых торчит сигарета без фильтра. Окно закрыто, но шторка дрожит от ветра. Тихон опустил на табурет. Пальцы сжимали колени. В голове пусто. Он посмотрел на настенные часы.

Осталось три часа до выступления. Три часа, чтобы собрать себя. И вместо этого он здесь. Отец Саши сидит напротив, опустив взгляд на стол.

-

Он... - начал Тихон. - Я...

-

Не надо. - Мужчина поднял руку, не глядя. - Все приходят с этими словами. Думают, что ими можно хоть что-то вытереть. А не вытирается. Всё остаётся.

Тихон замолчал. Из комнаты тянуло теплом, чужим,

ненужным. Из соседней комнаты донеслось тихое жужжание, вентилятор или старый компьютер, живущий своей последней жизнью. Тихон отвёл взгляд. Почувствовал, всё это пространство, весь этот порядок, каждая вымытая тарелка, каждая нитка на подушке, это не чистота. Это оборона. Так он держит смерть сына в изоляции. Так не даёт ей расползтись.

-

Вот ты говоришь, поэт, - начинает Отец Саши. -

А я ведь тоже писал. Только не стихи, рапорты. Рапорты, стихи для тех, кто выжил.

Он смеётся, коротко, ржаво.

-

Был у нас случай, как бы сказать, не про войну даже, а про то, что в ней живёт. В Грозном это было, вторая. Январь, двенадцатый день. Мы тогда стояли под небольшим городком, и туман как сажа, плотный, не светится. Всё горит, но не видно, что горит. Слышишь только, как кирпичи трещат. Мы нашли там школу. Вроде пустая. Дети, говорили, раньше там прятались. Мы зашли, а внутри снег. Настоящий снег, только серый, как будто кто-то его пересыпал пеплом. И партряд, и на каждой сидит по тени. Не дети, не духи, просто отпечатки, белые силуэты на стульях. Потом нашли куклу. Маленькую, без головы. Я её в карман сунул, зачем, не знаю. Может, чтоб проверить, не сдвинулся ли я?! Вечером у костра достал, а у неё в груди гвоздик. Прямо в ткань вбит. И

я сижу, смотрю на неё, думаю, кто забивал. Девочка? Или тот, кто потом пришёл? Смешно, да? Кукла со шрамом, а я человек без сна.

Он обводит взглядом комнату, будто проверяет, все ли стены на месте, откидывается на спинку стула. В его движениях что-то странное, как будто он возвращается не в тело, а в форму тела.

-

Вот сейчас думаю, - говорит он почти шёпотом. - Может, оно и не кончилось. Просто мы перешли в другую операцию. Только без карты, без приказа. Всё те же позиции, страх, сон, вспышка, пустота. И командиры те же, только теперь в телевизоре.

Он усмехается, потом резко обрывает смех. Тихон чувствует, что отец Саши поехал крышей. И понимает: сказать что то, и тот сорвётся. Его боль не в жалости, а в узнаваемости. Он тоже знает это состояние, когда всё, что было жизнью, превращается в странную выжженную форму. Только у отца Саши, слова стали способом удерживаться от распада. Тихон смотрит на свои костыли, прислонённые к стене. Они выглядят особенно жалко. Если что-то пойдёт не так, он не сможет даже быстро подняться и уйти. И эта мысль цепляется за нерв, медленно прокручивается внутри. Саша ведь рассказывал пару случаев, как отец бросался на людей, когда кто-то или что-то не так сказал, или просто не так посмотрел. Тихон выдыхает с досадой. Ему не по себе, не от страха да-

же, а от собственного присутствия. От того, что пришёл, поверил, будто можно кому-то помочь, будто его участие что-то значит. Всё внутри у Тихона сжимается: как сказать, что надо идти, что уже поздно, что у него дела? Чтобы не обидеть, не спровоцировать. Чтобы просто исчезнуть, не тронув боль. Он подбирает слова, но каждое слово кажется лишним. Тихон ловит себя на том, что смотрит на дверь, на её ручку, на скол у замка. Она как спасение.

-

Я когда оттуда шёл, думал, забуду. А не вышло. Оно, видишь, не забывается. Оно как собака: ты её не корми, а она всё равно ждёт. Только глядит молча. А потом вдруг вцепится в ногу, и ты опять там. Снег, пыль, горелый хлеб, запах меди. И кто-то орёт: Медика! - А никого нет.

Он достаёт из ящика коробку из-под патронов. В ней мелочи: пуговица, гильза, кусок стекла. - Вот, музей. Сын мой, Сашка, когда мелкий был, любил это трогать. Говорил, как звёзды. Я ему тогда соврал, сказал, да, это осколки звёзд. Пусть верит. А теперь хрен знает, может, и не соврал.

Он замирает. Взгляд становится далеким, тяжёлым. Он встаёт, тяжело, будто из-под воды. Подходит к окну, смотрит на улицу, где снег превращается в серый пар.

-

Знаешь, что самое страшное? Не то, что убивал. Не то, что видел. А то, что там было красиво. Понимаешь? Красиво. Когда ракета летит ночью, и всё вокруг становится оза-

рѣнным, и ты стоишь, живой, и тебе кажется, вот, вот оно, настоящее. И потом стыдно за это. За то, что было красиво. Потому что красиво было в аду.

Воздух не двигается. Тихон слышит, что внутри стены скребѣтся мышь или память, не разобрать. Отец Саши стоит у окна, тень распухла, будто она больше тела.

-

Слушай, - говорит он тихо, почти ласково, - ты же знаешь, как это делается?!

Тихон не сразу понимает.

-

Что именно?

-

Ну, когда внутри шумит, а снаружи ничего. Когда хочется выключить голову, чтоб всё вот так, - он щёлкает пальцами, - просто погасло.

Тихон опускает глаза. Он знает, о чём речь. Сразу понимает. Но делает вид, что не знает. Отец усмехается.

-

Не понимаешь? Да ты же... потреблял герыч. Ты же этим жил. Сашка рассказывал.

Он подходит ближе. От него пахнет пеплом, пустотой.

-

Достань, - говорит. - Ненадолго. На ночь. Мне просто тишины надо. Хоть на час. Моего барыгу посадили.

Тихон мотает головой.

-

Да я ногу потерял из-за этой хуйни. Себя потерял.

Отец смеётся коротко, рвётся хрипом. - Себя?! А где ты видел этого себя?! Ты его в зеркало ищешь? Или в пустых карманах? Себя нет, Тихон. Есть только гул. И способы сделать его тише. Мне снилось вчера, будто мы опять там. И я стою, и Сашка рядом. Маленький, не тот, который умер, а тот, из детства. И он мне говорит: Пап, не возвращайся. А я не могу. Ноги сами идут. Понимаешь? Сами. Значит, я там и остался.

Тихон молчит. Отец резко поднимает голову:

-

Так что, поможешь?

-

Не могу.

-

Почему?

Отец встаёт, ходит по комнате, говорит обрывками, будто эхо в рации:

-

Я ведь думал, что война это предел. А оказалось, нет. Предел, когда слышишь, как капает из крана, и кажется это кровь. Когда дверь хлопает, и ты хватаешь воздух, будто гранату. Когда в зеркале чужое лицо, а улыбка твоя.

Он замирает, лицо серое.

-Ты не понял, Тихон, - говорит он устало. - Я не прошу дозу. Я прошу выход. Понимаешь? Выход.

Тихон чувствует страх, липкий, как простыня после жара. Он тянет руку, будто хочет что-то удержать, но отец уже не здесь. Взгляд его уходит куда-то за окно, туда, где снег перемешан с гарью.

-

Всё одно и то же, - бормочет он. - Город, война, тишина, смерть. Только порядок слов меняется. А смысл нет.

Он садится обратно, тяжело, словно на землю.

-

Помнишь, я говорил, там было красиво?! Так вот. Я хочу обратно в ту красоту. Хотя бы на миг. Ты не бойся, - говорит отец неожиданно мягко. - Я никому не скажу.

Отец достаёт армейский нож и медленно крутит его в руке. Затем делает несколько шагов в сторону Тихона.

-

Не разочаруй меня мальчик, главное не разочаруй...

Отец Саши резко разворачивается, берёт бутылку водки, делает большой глоток, шея вытягивается, глаза мутнеют, но не от водки, от какого-то внутреннего крика.

-

Ладно, - говорит он, и голос уже другой, будто не его. - Не бойся.

Он подходит к старому магнитофону, нажимает кнопку, и тот оживает сипением, шорохом ленты. Из динамиков с трес-

ком вытекают первые звуки, «Звуки Му». Сначала тихо, затем громче, волнами, с надрывом, как будто магнитофон тоже пьян. Голос Мамонова: хриплый, рваный, будто выцарапанный изнутри. Отец Саши улыбается неожиданно мягко, почти по-детски. Он берёт костыли Тихона, вертит их в руках, словно оценивает вес, баланс, ритм. Потом бросает одну ногу вперёд, потом другую, делает какой-то нелепый, но отчаянно точный жест. Канкан. Абсурдный, уродливо-смешной канкан, в старой военной майке. Он пинает воздух, будто выгоняет из него чью-то душу. И вдруг пауза. Отец замирает посреди комнаты. Дышит тяжело, широко, будто только что вырвался из воды.

-

Видишь? - говорит он. - Всё просто. Я жив.

Машина пахнет старой обивкой и нагретым пластиком. Воздух в салоне вибрирует, не от мотора, а будто от внутреннего тока, который идёт из человека на водительском месте. Отец Саши улыбается, открыто, широко, будто перед прыжком в воду. Руки у него лёгкие, держат руль неуверенно, но с удовольствием. Он всё время что-то включает и выключает: стеклоочистители, поворотники, вентилятор.

-

Слышишь? - говорит он. - Это группа

Can. Настоящий немецкий краутрок. Слушай, как будто кости дрожат от баса, да?!

Голос у него мягкий, почти радостный. Он бьёт ладонью

по рулю, в ритм музыки. Гул идёт по панели, будто кто-то изнутри откликается. Тихон сидит рядом. На лобовом стекле его отражение, чужое, без присутствия. Он не смотрит на водителя. Отец Саши смеётся, и смех звучит как заикание. Снаружи дневная Москва, сухой свет, короткие деревья вдоль проспекта, отражения в стёклах машин. Всё мелькает, будто кадры с пропусками: один дом, другой, витрина, женщина с собачкой. Отец говорит дальше, не глядя на дорогу:

-

Я ведь тоже был как вы, знаешь?! Хипповал, лет в восемнадцать. Уходили в поля, слушали «Кино», пили дешёвое вино, говорили, что мир это звук. Что если поймать нужную частоту, всё станет ясно. Я даже волосы отрастил, представляешь?! А теперь лысею, но частоту помню.

Он смеётся снова. Из динамиков льётся шум, гитары и синтезаторы сплетаются, будто машинный стон. Тихон глотает воду. Холод попадает не туда, куда должен, не в горло, а прямо в живот.

-

Мне, - говорит Тихон осторожно, - сегодня надо вечером на сцену.

-

На сцену?

-

Да. Выступление.

- А, ты всё про стихи?! Молодец.

Машина въезжает в поток, свет мерцает на капоте. Тихон чувствует, что каждый метр дороги, похож на повтор: как будто Москва бесконечно перезапускается, возвращая их обратно в начало. Отец нажимает на газ. Машина ускоряется, ветер бьёт по боковым зеркалам.

-

Смотри, как красиво, - говорит он. - Свет скользит, дома, это батареи памяти. У каждого окна, своя температура.

Тихон пытается улыбнуться, но не выходит.

-

Может, остановимся? - спрашивает он.

-

Зачем? Мы же ещё не доехали. Туда, где станет легче.

Он говорит это ровно, как о погоде. Тихон отворачивается к окну. Город мелькает: серый, солнечный, одинаковый. На перекрёстке они стоят в пробке. Люди переходят дорогу. Всё движется, но ничего не происходит. В салоне жарко. Отец выключает музыку, потом снова включает, потом прибавляет громкость, теперь Can, звучит слишком громко, как будто внутри головы.

-

Вот это, - кричит он сквозь шум, - слушай, слушай, это и есть жизнь.

-

Сашка любил Can, - говорит отец. - Говорил, что под них можно исчезнуть. Я не верил, пока не попробовал. И правда,

исчезаешь. Только не весь. Что-то остаётся. Как запах, после пожара.

Он резко смеётся, и смешок тут же срывается в кашель. Солнце встаёт выше. Машина плывёт по шоссе, Отец всё время подпевает тихо, неправильно, но с наслаждением. Тихон думает о выступлении. О том, что не успеет. Что слова рассыплются, как стекло. Когда они сворачивают на боковую улицу, музыка обрывается. Машина останавливается. Только шипение эфира. Отец молчит. Тихон видит в отражении его лицо, расслабленное, почти умиротворённое, как у спящего. Отец облакачивается на спинку сиденья, тяжело дыша, как будто воздух проходит через ржавый фильтр. Лезет в карман спортивных штанов, вытаскивает смятую купюру. Потом вторую. И ещё. Складывает их в стопку, выравнивает их, как будто это билет, на последний поезд.

-

Возьми, - говорит он устало, будто ему надоело даже говорить. - На всё.

Тихон не шевелится. Он смотрит на Отца Саши. И в этом взгляде злость. Чистая, резкая.

Отец Саши понимает этот взгляд. У него меняется состояние. Плечи напрягаются. Челюсть выдвигается вперёд.

-

Э-э, - говорит он тихо. - Ты вот это... не надо так. Попробуешь, - сказал он уже другим голосом, ровным, пустым, - съебаться, всё тогда для тебя закончится печально. Ты меня

понял? Хотя ты и друг Саши.

Пауза. Глухая, как в подвале.

-

Ладно, - говорит он, и в голосе слышна усталость. - Я перегнул палку. Бывает. Не обижайся, паренёк.

Он поворачивается, уже без угрозы, даже с какой-то странной теплотой. Засовывает тысячные купюры, в карман Тихоновой куртки. Тихон не сопротивляется.

Сопротивляться, значит дать повод. Он тянется к дверной ручке. Движение деревянное, обречённое.

-

Погоди, - говорит Отец. - Сейчас. С костылями помогу.

Тихон выходит из машины. Берёт костыли. Воздух на улице затхлый, пахнет мокрыми колясками и чем-то неопределимо старым. Отец шагает за ним почти вплотную. Слишком близко. Снег течёт по бордюрам, серым цветом, как варенная кость.

-

Ладно, - говорит отец. - Здесь тебя подожду.

Через десять минут, Тихон возвращается. У подъезда, Отец Саши курит. Пальцы дрожат, не потому что холодно. Взгляд вопрос, и в этом взгляде: «ну что?». Тихон кивает. Не ответ, не согласие, тик головы, как у человека, которому всё равно. Тихон подходит ближе. Отец Саши молчит. Помогает. Костыли словно чужие ноги, холодные, звенят, когда их кладут на заднее сиденье. Металл бьётся о металл, как от-

звук в черепе. Они садятся. Тихон справа. Руки на коленях, неподвижные. Он достаёт из кармана героин. Протягивает. Не глядя. Отец берёт. Смотрит. Долго. Пальцы не шевелятся. Взгляд движется. Мир вокруг будто отступает, остаётся только салон, две тени, два дыхания.

- Это всё?

Тихон не отвечает. Отец открывает бардачок. Медленно. Внутри только пыль, старые бумаги, чек. Он постукивает пальцем по пластмассе. Пыль поднимается. Медленно. Слышно, как снаружи проходит кто-то, шаги по снегу, по ветру. Отец шевелит губами. Как будто считает. Тихон тянется к двери. Рука судорожная, рывком пытается открыть дверь.

Отец хватает его за плечо. Пальцы тяжёлые, как железо, врезаются под кожу.

-

Подожди, - говорит он. Тихо, почти доброжелательно. - Не спеши.

Отец высыпает порошок, на внутреннюю дверь бардачка, достаёт из кошелька кредитку, ровняет дорожку. Делает это точно, с привычным вниманием, без страсти, без мысли.

Тихон дергается.

-

Мне это нахуй не сдалось!

Отец Саши не слышит. Или не хочет слышать. Он просто смотрит на него. Долго. И берёт его за волосы. Не грубо. Как

берут ребёнка, чтобы не упал.

-

Вот так, - шепчет Отец. - Дыши. Только дыши.

Мир гудит. Машина гудит. Пластик под руками вибрирует. И этот гул входит в голову без смысла, без причин. Тихон чувствует, как всё внутри медленно сворачивается, не боль, не страх, а просто конец движения. Тихон открывает глаза. Отец отпускает. Смотрит внимательно, с каким-то странным удовлетворением, будто услышал то, что хотел услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.